

Меньшиков Олег

21-27. 12. 2000

Иногда лучше жевать, чем говорить

Кудрявцева - 2000 -
21-27 дек. - с. 9

“Кухня” в постановке Олега Меньшикова



Сцены из спектакля

“Театральное товарищество 814”, созданное Олегом Меньшиковым, играет сейчас второй в своей пока недолгой жизни спектакль, но в сочетании избранных пьес видится вполне разумная логика. Сначала было “Горе от ума” — хрестоматийнейшая из отечественных классических пьес. Ныне — “Кухня”, нечто совершенно новое, вчера написанное набирающим популярность драматургом М. Курочкиным специально для меньшиковской труппы. Тоже отечественное. Товарищество антрепризное по форме, стоит особняком. Не звездность актерского состава, не безусловная кассовость репертуара и не краткая легкость репетиционного процесса лежат в его основе. Скорее, просто отчетливое желание серьезного артиста ставить и играть то, что ему лично интересно и кажется своевременным. Одним словом, есть достойное уважения намерение. А дальше? Дальше — результат.

“Кухня” едва ли не впервые в театральной истории решила “отбить” у музыкального театра излюбленные им саги о нибелунгах. Кримхильды — Брунхильды, Гюнтеры — Зигфриды осваивают драматическую сцену. Древний замок с подъемным мостом (художник П. Каплевич) столь впечатляет своей бутафорской красотой, что Али-Баба из соседнего Вахтанговского театра в пору позавидовать. Так и ждешь, что “Сим-сим откроется”. Однако сокровищница смысла открывается с предательским скрипом.

Решаюсь на неблагодарное дело и попробую пересказать любопытствующим сюжет пьесы. Боюсь, Впрочем, что успеха не достичь. История из “Нибелунгов”, где вероломный Гюнтер убивает на охоте своего друга Зигфрида, оставляя Кримхильду безутешной вдовой, проецируется на современную кухню. Здесь, среди поваров и официантов “проявляются” герои саг и прочерчивается та же зловещая

интрига. Современный Гюнтер — О. Меньшиков запирает в своем замке (?) всю кухонную компанию, где есть и Кримхильда — О. Мысина (по совместительству уборщица Надя), и некий потерявший память субъект (оказывается, убиенный Зигфрид), и даже великий вождь гуннов Аттила (то ли нанятый Гюнтером комедиант, то ли взаправдашний гроза народов). Тексты и события слоятся и проникают друг в друга, что тесто и крем в торте “Наполеон”. Кухня с кафелем и кастрюлями вырастает тут же, в вековой каменной кладке средневекового замка. “Самые сокровенные мысли у нас принято высказывать на кухне”, — заявляет Гюнтер, и все оставшееся время зрителю суждено ловить в потоке слов это самое, сокровенное. Древние германцы, сохранившие их имена на явно российской кухне наши с вами современники, отчего-то отгородившиеся от мира рвом и подъемным мостом, дивные пятистопные ямбы в сочетании с откровениями Бивиса и Бадхеда, рекламные слоганы, кухонный треп, напоминающий пьесы Петрушевской, и всяческие силлогизмы, которые столь возлюбили драматурги следующего за ней поколения, — где сыскать кухню, на которой могут изготовить столь опасное для желудка ассорти?

Между тем педалируется убийство. Гюнтер конца XX века одержим мыслью еще раз убить несчастного Зигфрида. И, кажется, ему это удастся. Кажется, он — такой же плохой человек, как и его древний предшественник. Кажется, что взаимоотношения современных людей по злонамеренности мало отличаются от нибелунговых. Однако проигрывают им в ясности и прямоте. Кажется, кажется... ради этой не очень свежей, но вполне справедливой мысли и затевался спектакль.

Если кажется, надо перекреститься. Более ясных выводов из

увиденного и услышанного все равно сделать не удастся. Можно даже согласиться с тем, что и в реальной нашей жизни стиб частенько стирает смысл стоящих за ним действий, да и сами действия бывают невняты и малопримечательны. Но гордые нибелунги отчего-то не дают покоя. Почему бы в антитезу вялому современнику не взять викингов, или древних славян, или еще каких-нибудь византийцев? Вопрос, конечно, интересный. Адвокат (есть и такой в спектакле персонаж, преступление как-никак намечается) громко возмущается нехотой появившимся на сцене Аттилой: “По улице ходила зеленая Аттила”. Это правильно. Впрочем, можно и так: “По улице гуляла одна Сарданапала”. Смысла все равно не прибавится. Равно как и жанрового единства: повара временами исполняют синхронные “бродвейские” движения, “бытовуха” перетекает в эпос, рекламное “иногда лучше жевать, чем говорить” слетает с уст замечательной актрисы О. Мысиной в стик с Кримхильдовым монологом, талантливый артист О. Меньшиков из всех сил пытается что-то сыграть. Но от того обстоятельства, что он собственной персоной присутствует на сцене “более лучше” не становится.

В один момент появляется подвешенный на тресе топор и грозно раскачивается, как маятник. В затуманенном критическом мозгу всплывает что-то про старуху-процентщицу. Но топор качается долго, и, кажется, удастся обрести искомое. Когда на родных кухнях говорят сокровенное, то обычно так много курят, что “топор можно вешать”. Этот образ кажется мне более точным. Впрочем, возможны варианты. Возможно и такое неревольюционное соображение: иногда лучше жевать апробированную классику, чем говорить красиво и невнятно.

Наталья КАМИНСКАЯ